Известны у ительменов и духовые инструменты. Стеллер Г. В. писал, что ительмены изготавливали дудки из стеблей камчатского вязовика или «шаламеи» [10, С.192]. В коллекции БРЭМ имеются коуны (дудки) ительменские: 1 - дудочка из борщевика без игровых отверстий (закупоренная флейта без отверстий на грифе); 2 - дудочка из борщевика с пятью отверстиями и мундштуком из гусиного пера; дудки корякские из ольховой коры, дудки с мундштуком из гусиного пера, рожок корякский из ольховой коры с мундштуком из гусиного пера, пищалки из ивы, свистки, комбинированные из лиственницы и ивы, между деревянными деталями которых вставлен лист травы. Подробно описывает деревянные духовые инструменты ительменов Ю. Шейкин: калхам (тростниковая продольная флейта без отверстий для пальцев); энгму, или систул (тростниковая продольная флейта с 3-5 боковыми отверстиями), а также инструмент, выявленный только у ительменов, - пищик из стебля злаковых без игровых отверстий, который называют «играющая трава» [11]. Известно, что пищалки и свистки являлись, прежде всего, охотничьими манками, но использовались также как музыкальные инструменты.

По сообщениям Е.П. Орловой ительмены национальных инструментов к началу XX века не сохранили, хотя музыку любили и готовы слушать ее «без конца» [8, С. 86.]. С приходом русских они начали осваивать гармонь, скрипку, балалайку [7, С.325-326]. Балалайки и скрипки делали из осины. Дерево стругали рубанками, клеили рыбьим клеем, который варили из рыбьей кожи. Кожу варили с водой до тех пор, пока «варево» станет густым [8, С. 86].

К сожалению, игра на традиционных музыкальных инструментах в XXI веке не получила распространение, кроме бубна, который являлся и является наиболее распространенным инструментом у всех народов п-ова Камчатка. Он использовался при религиозных обрядах, сезонных праздниках. И в современной практике занимает ведущее место в выступлениях коллективов художественной самодеятельности народов Камчатки. Другим использующимся сегодня инструментом является губной варган. Игрой на этих инструментах сопровождаются события семейного и промыслового быта, ритуалы современных шаманских камланий («домашнее шаманство»), массовые этнические праздники и танцы.

Список литературы

1. Коллекции музыкальных инструментов из фондов Корякского окружного краеведческого музея, п. Палана, п-ов Камчатка. [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: http://www.koryak-museum.ru/expositions/13-expositions/38-stend-myz-instrymenti).

2. Коллекции музыкальных инструментов из фондов Быстринского районного этнографического музея, п. Эссо, п-ов Камчатка.

3. Малюкович В.Н. Корякские народные инструменты. Рукопись // Фонды Быстринского районного этнографического музея, п. Эссо, п-ов Камчатка.

Литература:

4.Благодатов Г.И. Музыкальные инструменты народов Сибири // Сборник Музея антропологии и этнографии: [научные статьи]. М.; Л., 1958. (Сборник МАЭ; т. 18). С.187-207.

5.Богораз В.Г. Чукчи. Религия – Ленинград: Главсевморпути, 1939. - 193 с.

6.Варган. [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: http://slovari.yandex.ru/~%D0%BA%D0%BD%D0%B8%D0%B3%D0%B8/%D0%91%D0%A1%D0%AD/%D0%92%D0%B0%D1%80%D0%B3%D0%B0%D0%BD/.

7.Дитмар К. Поездка и пребывание в Камчатке в 1851-1855 годах Карла фон Дитмара (Исторический отчет по путевым дневникам). СПб, 1801. Ч.1.

8.Орлова Е. П. Ительмены. Историко-этнографический очерк. - СПб.: Наука, 1999. –199 с.

9.Система Хорнбостеля-Закса. [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/ Система_Хорнбостеля_—_Закса.

10.Стеллер Г. В. Описание земли Камчатки / Г. В. Стеллер. Петропавловск-Камчатский, 1999. - 286 с.

11. Шейкин Ю.И. История музыкальной культуры народов Сибири. Сравнительно-историческое исследование. М.: Восточная литература РАН, 2002. 718 с.

МАСКИ КОРЯКОВ

Сокольская А.К.

Северо-восточный государственный университет, Магадан, Россия

Изготовление и применение масок было присуще в той или иной степени всем народам Крайнего Севера. Их наличие зафиксировано в культурах коряков, эскимосов, чукчей. Особенно преуспели в изготовлении масок коряки [4].

Коряки - коренное население Севера Дальнего Востока России [7; С.9]. Древние предки коряков - племена древнекорякской культуры Охотского побережья, сложившейся на основе внутриконтинентальных культурных традиций неолитических охотников [6; С. 9]. Сегодня коряки - жители Корякского автономного округа Камчатской области, Чукотского автономного округа и Северо-Эвенского района Магаданской области [7; С.96-103].

По данным Иванова С.В. у коряков до первой четверти XX века имелись деревянные антропоморфные маски-личины, происхождение и назначение которых недостаточно выяснены. Некоторые из корякских масок тщательно моделированы и носят реалистический характер, другие менее удачно передают черты лица и обработаны грубо. На отдельных из них на месте усов и бороды сохранились следы сажи, у других на тех же местах прикреплены пучки волос. Форма корякских масок различна: встречаются овальные, яйцевидные или заостренные книзу. На месте глаз прорезаны круглые, овальные или прямоугольные отверстия, но иногда таких отверстий нет [4]. В.И. Иохельсон писал, что на масках черным цветом коряки обозначают бороду, а красной охрой или кровью – щеки [5; С.178].

Каплан Н.И. – исследователь народного декоративно-прикладного искусства Крайнего Севера и Дальнего Востока, отмечает, что наблюдательные и умевшие довольно точно передавать свои жизненные наблюдения средствами искусства, коряки не только не стремились к тому, чтобы маска воспроизводила корякский типаж, а, напротив, придавали маскам характер скорее европейский: подбородок острый, лоб покатый, глаза круглые, нос крупный, сильно выступающий вперед. Там, где должны быть уши, приделаны ремешки, с помощью которых маска закреплялась на лице. Маску обычно вырезали из древесины любимого северянами дерева — ольхи. Иногда для изготовления масок применялся кедровый стланик [9; С.86].

Во время разделки туши белого кита коряки надевали на голову кита травяную маску (капюшон), «чтобы он не видел, как его будут резать» [3; С.17-18]. Кит являлся особо почитаемым промысловым животным у коряков, и его добыча сопровождалась определенными ритуалами. Праздник кита проводился обычно осенью в конце промыслового сезона в течение нескольких дней и включал приветствия, рассказы, кормление духов, огня, гадания и т.п. На пятые сутки праздника устраивали проводы кита и женщины, снаряжавшие «гостя» в дорогу надевали на лицо травяные макси, которые считались обязательным атрибутом этого праздника [3; С.19].

В конце праздника коряки ходили к друг к другу в гости, при этом они надевали на лицо маски *уллаун*, сделанные из дерева («деревянное лицо»), ровдуги или сплетенные из травы. Хозяева дома, которых посетили гости в масках, должны были узнать пришед-

ших. Однако узнанные в доказательство того, что это были они, снимали маски, только выйдя из жилища. Смотреть под маску в доме хозяев строго запрещалось. Тот, кто не был узнан, имел преимущество. Он мог подойти к хозяину и указать на понравившуюся вещь. Тот не мог отказать пришедшему и обязан был отдать ему то, что он требовал. Но, в свою очередь, владелец вещи проделывал тоже самое во время следующего праздника. Он приходил к человеку, которому сделал подарок, и указывал на вещь равной ценности. Таким образом, подарок компенсировался [3; С.17-18].

По сведениям В.Г. Богораза коряки-алюторцы в масках ходили группами от десяти и более человек. Среди них были и дети. Такое шествие В.Г. Богораз рассматривал как игру, а не религиозный обряд. О происхождении обряда хождения в масках коряки рассказывали В.Г. Богоразу следующее: «...Некогда пухли у людей лица, и они умирали. Тогда шаман велел сделать маски и носить их в виде процессии. Окончив процессию утром, он уносил их на закат. С тех пор и носят их на закат». Оставляя маски после праздника на западной стороне, коряки обкладывали их шерстью зайца. Они верили в магическую силу заячьей шерсти и использовали ее при изготовлении различных амулетов, которые способны были, по их мнению, защитить человека от вредоносных духов, являющихся причиной болезни. Вероятно, в данном случае шерсть этого животного выполняла именно защитную функцию. Постепенно, теряя связь с религиозной обрядностью, уже в начале XX века хождение в масках у алюторцев превратилось в один из развлекательных элементов праздника [3; С.22].

Изготовление масок приурочивалось и к осеннезимнему национальному празднику коряков «Хололо», одним из эпизодов которого является выступление ряженых в масках «Уля-У» (праздник проводится и в наши дни) [3; С.22; 9; С.86]. Ряженые разыгрывают перед зрителями маленькие смешные интермедии. Так же, на празднике Хололо устраивали обрядовое действие для мальчика, впервые добывшего зверя или птицу. Важнейшим компонентом обрядовой одежды мальчика был капюшон, сплетенный из травы и имеющий вставки из шерсти или носа животного, пера или клюва птицы – первой добычи юного охотника. По окончании обряда мальчик мог надеть эту маску на голову любого мужчины, который после весенней охоты дарил ему свою добычу [3; С.23].

Заканчивался праздник Хололо утром. До восхода солнца атрибуты праздника, в том числе и маски, коряки уносили в лес и там оставляли. При этом маски мазали толкушей, а в прорези, обозначающие глаза и рот, насыпали мусор, принесенный из жилища [3; С.25]. Возможно, насыпание мусора было связано с желанием возвратить в живой мир всех убитых животных и получить удачу в будущем промысловом сезоне. Выбрасывание мусора и остатков жертвоприношений из жилища описано В.Г. Богоразом у чукчей [2; С.94].

Коряки использовали маски иногда и с увеселительной целью: надев маски, молодые люди разыгрывали пантомимы, танцевали, изображая охоту на медведя, гонки на нартах и т. п. Деревянные корякские маски изображали как мужчин, так и женщин, но актерами были только мужчины [4].

Оленные коряки пользовались иногда кожаными личинами, изображавшими людоедов. Их надевали женщины, чтобы пугать непослушных детей [4].

Коряки использовали маски и с религиозной целью - напугать и изгнать злого духа Кала из зимнего жилища [4]. Кала (калау) - злые духи, несущие болезнь и смерть и жившие под землей или в пустынных местах на Западе (но не на море). Проникают в очаг с левой стороны через дымовое отверстие, кусаются, похищают души людей, стрелами вызывают болезни. Имеют облик животных или людей с острыми головами (иногда с несколькими головами), одноглазых, с длинными зубами и ногтями [10]. Вероятно, для того чтобы Калау не узнали и не навредили тем, кто их изгоняет и требовались маски.

Маски, представленные в Корякском окружном краеведческом музее п. Палана (КАО), выполнены из ольхи [1]. Две из них сделаны недавно с использованием современных материалов. Они покрыты морилкой, на них достаточно свежие кожаные ремешки, бисер. Возможно, эти маски использовались в 1980-е гг. на традиционном празднике Хололо. Вот как описывает праздничное действо Владимир Новиков, побывавший в корякском поселке Карага на празднике: «Уже который час длятся танцы, а исполнители не устают. Танец мастериц сменяют танцы орла, ворона, медведя... Вдруг раздается резкий стук в дверь — и смолкли бубны, смолкли певцы, прекратились танцы. В дом входят какие-то люди. Одеты они в вывернутые наружу кухлянки, стоптанные торбаса, на голове капюшон, шапка, женский платок. А лицо деревянное! Маска из красной ольхи. Стуча суковатыми палками о пол, «уляу» - маски шефствуют друг за другом. У одного на спине сумка, у другого — связка юколы, у третьего — сломанное ружье. Ни один из них не произносит ни слова. Они танцуют, жестикулируют, показывают комические сценки. Вот одна из масок, по одежде «муж», отнимает у своей «жены» плетеную сумку из травы. В сумке кукла-ребенок, который переходит то к отцу, то к матери. Все смеются - отец не умеет обращаться с ребенком. В старину уляу могли прийти ночью в любой дом, взять излишки юколы, мяса и раздать людям селения. Особенно часто они заходили в дома богатых и жадных людей. Уляу могли ударить суковатой палкой любого, кто к ним без почтения относился. Так в древности при помощи ряженых регулировались некоторые отношения между представителями одного племени» [11]. Коряки поют: «А сейчас из древних плясок Мы танцуем танец масок! Приезжайте в Карагу На веселый «Уляу»! [11]. Используются маски на празднике Хололо и в наши дни, хотя в большей степени сегодня этот праздник проводится для туристов [8].

Таким образом, исходя из анализа имеющих источников, можно заключить:

- корякские маски представлены головными уборами (капюшоны) и личинами;
- корякская типовая маска изображала собой человеческое лицо выполненное максимально реалистично;
- изготавливались как мужские, так и женские маски;
- маски носили как мужчины, так и женщины и дети, в редких случаях их надевали на животных (кит);
- материалом для масок служили древесина (ольха, кедровый стланик), трава, кожа (особенность материала обусловила плохую сохранность масок, чем объясняется их отсутствие в археологических материалах);
- характерной особенностью корякских масок является маркирование растительности на лице красками и сажей;
- использовались маски у коряков во время религиозных обрядов и праздников.

Список литературы

1.Коллекции масок Корякского краеведческого музея с. Палана. - [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: http://www.koryak-museum.ru/collections?start=18.

2.Богораз В.Г. Чукчи. Религия. М. 1939. Ч. 2.

3.Горбачева В.В. Обряды и праздники коряков. СПб., 2004.

4.Иванов С.В. Маски народов Сибири. Л., 1975. - [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: http://squadette.ru/maski/index0.html.

5.Иохельсон В.И. Коряки. Материальная культура и социальная организация. СПб., 1997. 238 с.

6.История Чукотки с древнейших времен до наших дней / Под общей ред. Н. Н. Дикова. - М.: Мысль, 1989. - 492 с.

7. Камчатка XVII-XX вв. Историко-географический атлас. - М.: ФСГиКР, 1997. – 112 с.

8. Камчатка-фото. «Хололо» — корякский национальный обрядовый праздник нерпы (фоторепортаж). - [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: http://www.fotopetropavlovsk.ru/2010/11/04/hololo-den-nerpy/.

9. Каплан Н.И. Народное декоративно-прикладное искусство Крайнего Севера и Дальнего Востока: Книга для учащихся старших классов./ Н.И. Каплан; художник Г.В. Филатов. М.: Просвещение, 1980. - 125 с.

10. Мифологический словарь / Гл.ред. Е.М. Мелетинский - М.: Советская энциклопедия, 1990 г.- 672 с. - [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: myths.kulichki.net/enc/item/f00/s19/a001904.shtml.

11. Новиков В. Хололо // Вокруг Света. 1981. №2 (2485). - [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: http://www.vokrugsveta.ru/vs/article/2101/.

Культурология

ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЯ В СБОРНИКЕ Н. ГУМИЛЕВА «АФРИКАНСКАЯ ОХОТА»

Бочагова Н.Ю., Фаркова Е.Ю.

Шуйский филиал Ивановского государственного университета, Шуя, Россия

Николай Гумилев, один из величайших русских поэтов XX века, открыл новую, десятую музу – Музу Дальних Странствий. Он любил старинные географические карты, описания путешествий, неведомые страны, «куда не ступала людская нога» [5;15]. Поэт не мог сидеть дома, «он, как блудный сын Библии, томится под родной кровлей и покидает ее»[3;493].

Романтизм Гумилева уходит корнями в детство. В школьные годы на листках бумаги, в тетрадях начали появляться собственные стихи, но романтика прекрасно уживалась с трезвым отношением к поэзии и прозе, ибо одно было формой существования, а второе – делом жизни. В личности Гумилева они являли собой единое целое, поэтому путешествия стали органической частью его жизни и творчества. Он посещает не только юг и север Европы, но и Китай, Индокитай, и, особенно, пустыню Сахару, «колдовскую страну» Абиссинию.

Африка, ее флора и фауна, определяют предметный романтизма Гумилева. Поэт стал первопроходцем-исследователем далеких уголков африканского континента, куда редко попадали и откуда еще реже выбирались европейские путешественники и миссионеры [7;15]. Африканская эпопея, оставившая большой след в творчестве Гумилева, - лишь одна глава в краткой, но богатой событиями жизни поэта, возможно, одна из самых счастливых.

Но не только романтизм, «экзотика» и «рыцарская» религия является в прозе Гумилева индивидуальной и своеобразной. Также большую роль в прозаических текстах писателя играет цвет. С помощью описательного и семантико-стилистического методов, а также контент – анализа мы проанализировали сборник «Африканская охота» и выявили типы и функции цветообозначений в данных новеллах и рассказах: Радости земной любви, Принцесса Зара, Золотой рыцарь, Последний придворный поэт, Черный Дик, Дочери Каина, Лесной дьявол, Скрипка Страдивариуса, Карты, Гибели обреченные, Вверх по Нилу, Африканская охота, Африканский дневник, Умер ли Менелик, Черный генерал, Путешествие в страну эфира, Веселые братья, а также очерки Записки кавалериста.

Прежде чем произвести анализ цвета, определить его типологию и функцию, мы выделили самые 1) частотные (часто употребляемый) 2) сложные и 3) имплицитные цветообозначения. Обобщая материалы нашего исследования, мы сделали следующие выводы об особенностях цветообозначения в прозе Н.С.Гумилева:

Причины обращения Н. Гумилева к Африке имеют такие мотивы, как рано возникшая и через всю жизнь пронесенная страсть к путешествиям и странствиям, представление о том, что Африка является предшественницей нынешней цивилизации. Н. Гумилев был «неисправимым» романтиком, пронесшим через всю жизнь преданность своей музе – Музе дальних странствий. Никто из русских поэтов не воспел, как он, Африку, не передал так зримо и необычайно рельефно ее неповторимый колорит. Именно поэтому проза Гумилева яркая, сугубо индивидуальная. Он раскрыл в ней свой талант со всей широтой и живостью. Его проза – особый, завуалированный мир, где «уродливое» и «прекрасное» находится рядом, близко друг от друга, где реальность и вымысел переплетаются и рождают новое, никому не известное пространство – пространство цвета.

При решении вопроса о роли цветообозначений нужно помнить о важности опыта человека, сферы его чувственного познания в оценочной деятельности. Различные сферы чувственного познания, включая в случае необходимости их максимальную дифференциацию или раздельность ощущений, переплетаясь в реальном объекте действительности и в нашем воображении, синтетически отражаются в сознании (звук, цвет, запах, тактильные ощущения и т.д.) [8;8]. В частности, воспринимая и воспроизводя цветовую картину мира, каждый носитель языка основывается не только на абсолютном цветовом, но и на экспрессивном ощущении от восприятия того или иного цвета, отмечая, зачастую на уровне подсознания, “ассоциативные признаки”, которые сопутствуют слову в языке. Эти признаки лежат на пересечении понятийной и чувственной сфер познания, они расплывчаты и аморфны по своей сути, но “ассоциативные признаки” придают словам-цветообозначениям дополнительный смысл, способствуют экспрессивному приращению семантики слова. Было отмечено, что “человек получает впечатления от свойств, приписываемых нами предметам и собственному телу, а затем оценивает значение этих впечатлений для нашего индивидуального бытия, испытывая чувство удовольствия и неудовольствия”. Это позволяет сделать вывод о том, что невозможно говорить о цветообозначениях, о цветовой картине мира в целом, в отрыве от воспринимающего её индивидуума. Так называемая “наивная картина мира”, о которой говорят Р.М. Фрумкина и другие исследователи, неизменно связана как с языковой традицией, так и с личностным восприятием индивидуума [9;97]. У каждого человека восприятие цветовой картины мира связано с жизненным опытом, психофизическим соостоянием, определяется целым рядом объективных и субъективных факторов.

«Муза Гумилёва живет в призрачной, воображаемой стране. Ничего не значит, что поэт сам